

Линь Е не осмелился сказать ему, что они прошлой ночью были слишком уставшими и ничего не делали. Он лишь натянуто улыбнулся.

Саньцзы, стоя рядом, радостно ухмылялся, словно это он только что женился.

В этот момент Юнь Цзю вышел из комнаты и увидел, что во дворе собралось несколько мужчин. Все они, увидев его, стали с любопытством рассматривать.

Линь Е прочистил горло:

— Если есть дела, давайте обсудим их спереди.

Несколько человек последовали за Линь Е, и один из мужчин не удержался от комментария:

— Мне кажется, Юнь Цзю становится всё красивее?

Юнь Мэнъян, услышав это, с сомнением оглянулся на Юнь Цзю, но не успел разглядеть, что именно изменилось, как Линь Е хлопнул его по лицу и резко развернул голову обратно.

Юнь Мэнъян сделал вид, что сильно разозлился, и громко воскликнул:

— Линь Е, тебе серьезно? Разве от одного взгляда кусок мяса отвалится?

Все вокруг рассмеялись, а Линь Е покраснел.

Юнь Цзю, хотя и не понимал, о чем они говорили, заметил, что все время поглядывают на него, и понял, что разговор был о нем. Он поспешил на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусное для Линь Е. Войдя на кухню, он обнаружил, что Линь а-мо уже оставила для них еду.

Юнь Цзю, глядя на обильный ужин, подумал: «В следующий раз нужно вставать пораньше, нельзя позволять а-мо делать всё одной».

Юнь Мэнъян и его компания пришли просто позабавиться над Линь Е, и вскоре они разошлись.

Линь а-мо сидела в коридоре, греясь на теплом солнце, и вместе с а-мо Саньцзы шила детскую одежду. Линь Е, проводив гостей, проходил мимо и, увидев заготовки для маленькой одежды, не удержался:

— А-мо, о ребенке пока даже речи нет, почему ты уже начала готовить одежду?

А-мо Саньцзы рассмеялась и, указывая на Линь Е, сказала:

— Мужа уже привел, разве ребенок — это не дело ближайшего времени?

Линь а-мо, улыбаясь, ответила:

— Верно, если ждать, пока он реально зачнет, то будет уже поздно готовить.

Линь Е не мог понять логики этих а-мо. Он только что привел в дом супруга и еще не успел нормально насладиться жизнью вдвоем. Он совсем не хотел, чтобы в их жизни так быстро появилась лампочка на 100 000 вольт.

А-мо Саньцзы, словно читая его мысли, добавила:

— Чего ты боишься? Родится — твоя а-мо и понесет.

Линь Е смотрел с выражением полного замешательства. Не знаю почему, но услышав эти слова, он вдруг почувствовал, будто вернулся в свой прежний мир.

Он не стал задерживаться, боясь услышать еще более знакомые фразы.

Юнь Цзю, увидев, что Линь Е зевает и возвращается обратно, помахал ему рукой:

— Хочешь сначала немного поесть?

Линь Е подошел к Юнь Цзю и хотел сказать, что сначала прогуляется, но заметил, что щеки Юнь Цзю надуты.

Он нажал на надутую щеку Юнь Цзю, и тот, с наивным взглядом, перекатил пельмень в рту на другую сторону. Линь Е, как ребенок, нажал на другую щеку, и они начали играть в эту глупую игру, глядя друг на друга.

Такую детскую игру могли придумать только они двое, и играли они в нее с одинаковым удовольствием.

Юнь Цзю сначала не понимал, что делает Линь Е, но после того как его лицо пощипали со всех сторон, он понял, что этот человек опять играет с ним.

Юнь Цзю быстро моргнул, думая: «Нет, нет, Линь Е просто играет со мной, но я совсем не хочу так играть».

Линь Е, видя, как часто он моргает, подул ему в глаза:

— О чем думаешь?

Юнь Цзю, щурясь от дуновения, машинально ответил:

— Думаю, что ты опять надо мной издеваешься. Нет, думаю, что ты опять со мной шутишь.

Юнь Цзю ответил совершенно не задумываясь, не вкладывая в слова сложного смысла, но эта фраза заставила обоих замереть.

В глазах Линь Е плясал смех, он хотел сохранить лицо своего неловкого супруга.

Но, увидев, как Юнь Цзю моргает и смотрит с выражением «Зачем я это сказал?», похожим на вид обиженной большой собаки, Линь Е не выдержал и расхохотался:

— Хаха, Юнь Цзю, а как ты хочешь, чтобы мы играли? — с улыбкой спросил Линь Е, наклонившись к его уху.

Юнь Цзю смущенно пробормотал:

— Это, это была просто оговорка, ты, ты не должен принимать это всерьез.

— Почему ты такой глупый?

— А-мо говорила, что нельзя постоянно называть меня глупым. Говорят, от этого становишься еще глупее.

Линь а-мо и а-мо Саньцзы, услышав шум во дворе, не удержались и пододвинули свои табуретки, чтобы подсмотреть.

Они увидели, как Линь Е что-то прошептал Юнь Цзю на ухо, а затем развернулся и убежал. Юнь Цзю, замешкавшись на секунду, покраснел и с гневным видом бросился вдогонку за Линь Е.

Линь а-мо, глядя на своих двух детей-ребятишек, тяжело вздохнула. А-мо Саньцзы же не смогла скрыть зависти:

— Не знаю, когда мой Саньцзы наконец приведет домой мужа?

Линь а-мо утешила ее:

— Не переживай, что должно прийти, то придет. Тогда ты хоть и будешь преграждать путь, он все равно войдет в дом.

В отличие от веселья в доме Линь, в доме старика Лю царила совсем другая атмосфера.

Сегодня ранним утром арендодатель, помещик Чжан, внезапно решил забрать несколько му земли, которые он сдавал в аренду семье Лю.

Оказалось, что его гэр выходит замуж через две недели, и помещик Чжан, имея толстый кошелек, выделил пятьдесят му земли в качестве приданого.

К несчастью, земля семьи Лю также оказалась среди них. Семья и так жила в бедности, звенела как монета, а теперь, лишившись земли, они оказались на грани выживания.

Вся семья сидела во дворе, с мрачными лицами глядя друг на друга.

Старший Лю, не желая видеть грусть родителей, чувствовал, что как старший сын должен взять на себя ответственность за семью:

— Отец, а-мо, не волнуйтесь. После пятнадцатого числа я поеду в ближайший город на заработки.

Услышав слова Старшего Лю, все по-прежнему выглядели озабоченными.

Старший Лю раньше уже работал на людей, но у него была только физическая сила, поэтому он мог выполнять только тяжелую работу. Но Старший Лю был слишком честным, и пока он работал на других, его не раз обманывали. В итоге ему ничего не оставалось, как вернуться домой и продолжить пахать землю.

Их второй сын, Лю Вэнь-гэ, был красивым, и в тринадцать-четырнадцать лет его уже сосватали. К несчастью, когда он пошел в горы за дровами, он встретил кабана и сломал ногу. В итоге та свадьба сорвалась, а с тех пор здоровье Лю Вэнь-гэ пошатнулось, и он стал подавленным.

Третий сын, Лю Цин-гэ, был человеком, самым любимым в деревне Юньцзя у семьи Лю. Он был ребенком с открытым характером, простыми мыслями и добрым сердцем. Его тело было здоровее, чем у второго, а голова — сообразительнее, чем у старшего. Именно поэтому старая чета особенно любила его. Стоило им подумать о том, что их Цин-гэ пойдет на тяжелые заработки, как им становилось невыносимо жалко его.

А оставшиеся двое были еще слишком малы.

Лю Юнь-гэ, глядя на мрачные лица родных, не удержался и пробормотал:

— Я не понимаю, местный ученый хочет, чтобы третий брат стал его маленьким слугой. Работа не тяжелая, не нужно страдать, да еще и платят. Почему вы, отец и а-мо, просто не соглашаетесь?

Лица взрослых мгновенно изменились. А-мо Сумасшедшего мальчишки не выдержала и ударила младшего сына пару раз.

Лю Юнь-гэ тут же покраснел от гнева, юрко спрятался за спину старшего брата и, округлив глаза, возразил:

— Я где неправ? Наша семья бедна только потому, что вы слишком честные и слишком старомодные.

А-мо Сумасшедшего мальчишка с гневом сказала:

— Тот ученый тоже не обязательно хороший человек. В прошлый раз он помог нам одержать верх, ты, глупый мальчишка, думаешь, у него настолько доброе сердце? Он приглядывается к твоему третьему брату!

— Я знаю, что ученому нравится мой третий брат, об этом вся деревня Юньцзя знает. Что такого, если бедняки заключат союз?

В некоторых бедных глухих местах много семей, которые бедны и не могут позволить себе выкупить гэра. Многие выбирают заключение союза, и тогда два мужчины живут вместе всю жизнь.

Хотя в крестьянских семьях заключение союза встречалось часто, это все же не считалось делом славным. К тому же, при их положении, Цин-гэ наверняка пришлось бы выйти замуж в семью старосты. Цин-гэ был их самым любимым ребенком, как же они могли выдержать, чтобы их Цин-гэ, мужчина, пошел к кому-то в жены.

<http://bllate.org/book/16719/1537276>